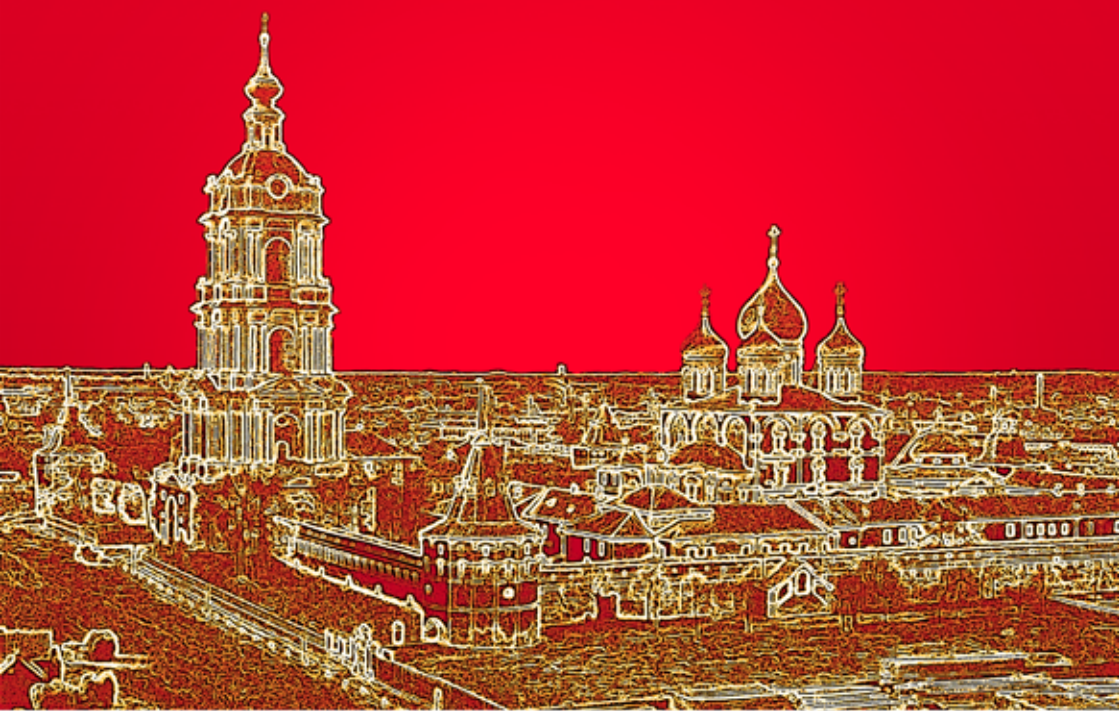

МОЛОДОЙ
Учёный

Международная научная конференция

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Москва

УДК 32
ББК 66
В74

Главный редактор: *Г. Д. Ахметова*

Редакционная коллегия сборника:

М. Н. Ахметова, Ю. В. Иванова, А. В. Каленский, В. А. Куташов, К. С. Лактионов, Н. М. Сараева, О. А. Авдеюк, О. Т. Айдаров, Т. И. Алиева, В. В. Ахметова, В. С. Брезгин, О. Е. Данилов, А. В. Дёмин, К. В. Дядюн, К. В. Желнова, Т. П. Жуйкова, М. А. Игнатова, В. В. Коварда, М. Г. Комогорцев, А. В. Котляров, В. М. Кузьмина, С. А. Кучерявенко, Е. В. Лескова, И. А. Макеева, Т. В. Матроскина, У. А. Мусаева, М. О. Насимов, Г. Б. Прончев, А. М. Семахин, Н. С. Сенюшкин, И. Г. Ткаченко, А. С. Яхина

Ответственные редакторы:

Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина

Международный редакционный совет:

З. Г. Айрян (Армения), П. Л. Арошидзе (Грузия), З. В. Атаев (Россия), В. В. Борисов (Украина), Г. Ц. Велковска (Болгария), Т. Гайич (Сербия), А. Данатаров (Туркменистан), А. М. Данилов (Россия), З. Р. Досманбетова (Казахстан), А. М. Ешиев (Кыргызстан), Н. С. Игисинов (Казахстан), К. Б. Кадыров (Узбекистан), И. Б. Кайгородов (Бразилия), А. В. Каленский (Россия), О. А. Козырева (Россия), В. А. Куташов (Россия), Лю Цзюань (Китай), Л. В. Малес (Украина), М. А. Нагервадзе (Грузия), Н. Я. Прокопьев (Россия), М. А. Прокофьева (Казахстан), М. Б. Ребезов (Россия), Ю. Г. Сорока (Украина), Г. Н. Узаков (Узбекистан), Н. Х. Хоналиев (Таджикистан), А. Хоссейни (Иран), А. К. Шарипов (Казахстан)

Вопросы политической науки: материалы Междунар. науч. конф. ВЗ4 (г. Москва, июнь 2015 г.). — М.: Буки-Веди, 2015. — iv, 48 с.

ISBN 978-5-4465-0697-2

В сборнике представлены материалы Международной научной конференции «Вопросы политической науки». Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов политических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 32
ББК 66

СОДЕРЖАНИЕ

3. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Новиков А.В.

Политические идеи концепции евразийства Н.С. Трубецкого.....1

Яковлева Э.В.

Элиты против масс. Управление сознанием.....7

4. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.
ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА**Кунец М.С.**Методологические подходы к обеспечению межнациональной политики
Российской Федерации 13**Прядкина И.М.**Место и роль гражданского общества в процессе политической
модернизации России 19**Тимченко Д.В.**Асимметрия российского федерализма:
конституционно-правовой аспект 24**Чирков П.С.**

Проблема имиджа региона в политическом пространстве России 29

5. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ**Турмаганбетова А.К.**

Центральная Азия и место Казахстана в международных отношениях ... 35

Шегаев И.С.Современные средства противодействия радикализму: новые
вооруженные формирования и их применение (опыт Ирака, Сирии,
Афганистана, Анголы, Сомали) 42

3. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Политические идеи концепции евразийства Н.С. Трубецкого

Новиков Андрей Вадимович, студент

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (г. Москва)

В настоящее время политико-экономические идеи евразийства начинают вновь приобретать особую популярность среди патриотически настроенных слоев интеллигенции, власти и общества в целом. Концепция евразийства начинает оказывать существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику России, геополитические идеи современной науки.

Евразийство зародилось в среде первых русских ученых-эмигрантов в постреволюционный период начала 20-х гг. XX века. Оказавшись в изгнании и стараясь проанализировать причины, породившие Октябрьскую революцию 1917 года и формирование Советского государства, евразийцы обратили свое внимание на исторические процессы и культурное взаимодействие народов на территории Евразии. Явившись реакцией на сложные и болезненные перемены, течение стало постепенно угасать к концу 30-х годов, и вновь обрело продолжение только в конце XX века, став одним из мощнейших направлений новой антилиберальной мысли, стремившейся занять освободившееся место ведущей идеологии, отстаивающей консервативный порядок и право на особый путь для евразийских этносов. Не реализовавшись на практике в советский период, после крушения СССР и проведения радикальных либеральных реформ, течение получило значительное число последователей в среде интеллектуалов и политических деятелей, также оказало влияние на руководство бывших союзных республик. Актуальной эту тему также делает то, что политические идеи евразийства постепенно начинают реализовываться на практике. Создание таких российских интеграционных организаций, как «Таможенный союз», ЕврАзЭС, ОДКБ, так и зарубежных проектов — ШОС и китайского «Нового шелкового пути», не только укладывается в данную концепцию, но и черпает из нее теоретическую базу для обоснования дальнейшей интеграции.

Более того, в России начинают активно популяризоваться идеи неоевразийства, так как именно это течение многим политикам и философам представляется наиболее подходящим для формирования нового идеологического стержня народа и научной базы для евразийского союза. Поэтому именно сейчас, в то время, когда современное евразийство впитало в себя и синтезировало множество самых различных политических и экономических концепций стоит обратиться к первоисточнику евразийской идеи.

Неоспоримым правом на авторитетный статус основателя теории евразийства обладает князь Н. Трубецкой, заложивший в трактате «Европа и человечество» основы данной теории. Используемая им методология была продолжением цивилизационного подхода к истории, развитого О. Шпенглером. Для данного подхода, принятого первыми евразийцами, свойственно отрицание линейности исторического процесса, отказ от сравнения культур в силу разного возраста этноса. Серьезной критике также подвергалась эволюционная модель западной этнологии [1, с. 29].

С проблемой целостности российского государства, как многонационального, связана радикальная критика европейской культуры, идей европейского превосходства и постоянного прогресса, свойственного эпохе модерна, провозглашение необходимости существования самобытных цивилизаций. Продолжением этих положений явилась антиколониальная риторика классического евразийства.

Здесь Н. Трубецкой следуя за поздними славянофилами, развивая мысль о том, что европейская цивилизация не является универсальной и не подходит России. Следуя этой логике, философ негативно оценивал влияние петровских реформ на развитие российского государства, характеризуя всю последующую политику династии как время «антинациональной монархии», проводящей политику насильственной русификации, и как следствие — истребление евразийских традиций заложенных в союзе со степью. Считая Орду первым подобием продуктивного евразийского союза, философ, тем не менее, признавал существование ига, что несколько противоречит его концепции. Акцентируя внимание на пагубности европейских традиций, Н. Трубецкой говорит о потенциальном сходстве позиций европейских космополитов и шовинистов, отмечая «параллелизм» этих явлений. Поскольку оба сложились под влиянием «эгоцентризма», их главная задача в размытии грани между разными национальностями и культурами, попытке привести человечество к единому унифицированному образцу. Объявляя европейский космополитизм вершиной романогерманской культуры, философ считает шовинизм, абсолютно тожде-

ственным этому явлению. Распространение же шовинизма и космополитизма среди не-романогерманских народов он называет «недоразумением», вызванным проникновением европейской культуры в отличный от него этнос, навязыванием «общечеловеческой цивилизации». Общая культура производит «нивелировку индивидуальных различий», что ведет к преобладанию примата рационализма над этикой, как следствие — духовная примитивизация всего общества. Если же говорить про панславянизм (общий национализм), то он, по мнению Н. С. Трубецкого, является лишь одним из искусственно привитых ответвлений продукта научной мысли романогерманской культуры, и потому нарушает единство исторической связи евразийских народов, отрицает их общую судьбу и взаимозависимость.

Особое место в работах философа занимает идея евразийского «общего национализма», как антипода простому «национализму» [2, с. 131]. В «истинном» виде «национализм» считается Трубецким положительным явлением. Он состоит в «самопознании» этноса, самопознание связано с личностью индивида, этнос же образует «коллективную личность». Ложный национализм по Трубецкому это отождествление национальной культуры с ее древними формами, переставшими оказывать влияние на современную психику индивидов. Вестернизация, по его мнению, ведет не только к культурной деградации этноса и потерей национального единства. Пытаясь нагнать в своем развитии романогерманцев, вестернизированный народ начинает совершать «исторические скачки», наносящие удар по традиции и последовательной эволюции, в период «застоя», идущего сразу после «скачка», начинается новое отставание. Россия в целом рассматривалась как особая совокупность народов, «многонациональная нация, обладающим особым национализмом — евразийством». В идее евразийской общности заключается в создании общей государственности «евразийского братства», так как национализм каждого отдельного народа должен комбинироваться с «общеевразийским национализмом». Общеевразийский национализм, по его мнению, должен опираться на «национальный субстрат», а не на марксистскую классовость. Поскольку существует «национальное самоопределение» первого порядка, свойственное малым народам, которые пытаются выйти из сферы влияния «больших» народов, встать с ними на одну ступень. Англо-саксонское культуртрегерство и немецкий шовинизм разновидности ложного национализма второго рода («консервативный национализм»), стремящейся к переделке других культур по своему образцу. Так же существует третий, «культурный консерватизм», упраздняющий моральный смысл самобытности. По словам Н. Трубецкого, русский «наци-

онализм» в его дореволюционный период вмещал в себя первые два типа, а истинный общевразийский национализм еще требуется создать [3, с. 500].

Для Н. Трубецкого, в отличие от марксистов, выводивших политику из экономического базиса, политика была одной из производных от «культуры», она являлась отражением нравственного и религиозного опыта народа, а не объектом действия социальных сил. Развитие же культуры связано с возникновением новых «культурных ценностей», т.е. целесообразным продуктом создания человека, переданное в народное достояние. Культурная ценность служит удовлетворению потребностей социума, выполняет утилитарные функции. Для формирования культуры необходимо существование в культурной среде запаса уже созданных или «открытых» культурных ценностей, которые передаются посредством традиции, дополняемой наследственностью, которая обеспечивает привитие определенных вкусов обществу. Наличие традиции, географического фактора и наличие разных антропологических типов делает абсолютно невозможным полное привитие культуры другого народа изначальному этносу. Следовательно, не все политические и культурные институты и практики можно безболезненно экспортировать и переносить на чуждые почвы, а привитые нормы творчески перерабатываются новым обществом. Смешение же культур возможно, но оно только взаимно обогащает этносы. Полное приобщение к другой культуре возможно только вместе с антропологическим смешением этносов. Ученый развивал идею о существовании различных культурных ареалов. Продолжая культурологическую традицию, основанную А. Кребером, которая выделяла большие отличные друг от друга культурные сообщества, ареалы или цивилизации. Этническо-культурная многогранность, подкрепленная политическим единством народов, является наиболее устойчивой формой существования человечества. В отношении России и близлежащих республик Н. Трубецкой выделял два этажа культуры: «нижний» и «верхний». «Нижний» этаж опирается на народные массы, обращен к нравственным корням. «Верхний» объединяет элиту, формирует многофункциональную культуру. Между этажами нет четких границ, переходя из «нижнего» в «верхний» этаж культура получает «краевую дифференциацию». Евразийцы ставили задачи устранения раскола между интеллигенцией и массами.

В отношении государства философ придерживался консервативно-этактистской традиции. Государство в его концепции определяется как «географически-волевая категория», т.е. сумма волевых устремлений всех индивидуальных стремлений на общей территории [4, с. 113]. Государство обладает

чертами народа, породившего его, и имеет только «отраженные» личные признаки. Н. Трубецкой также считает весьма существенными признаками характер территории, тип населения государства. Государственная власть осуществляется не столько над территорией, сколько над субъектами, над народом страны [5, с. 151]. Государство представляет «идею-правительницу», оно связано с духовными потребностями граждан, существует для достижения «внутренней правды» (общего блага). По мнению Н. Трубецкого, «многонациональная личность» предполагает равнозначность всех народов на территории России [6, с. 224]. Исходя из этого: ни один этнос не должен преобладать в государственном строительстве, государство должно учитывать естественные границы территорий этносов, федерация строится не по территориальному принципу, а по национально-этническому. Однако философом предполагался отказ народов внутри страны от права на самоопределение, поскольку это вступало бы в противоречие с принципами «единства месторазвития», когда территория каждого народа принадлежит всем евразийским этносам.

Феномен государства и народного суверенитета рассматривался Н. Трубецким в концепции «демотии» [7, с. 3–9]. Так «народный суверенитет» являлся для него «органически и организованным единством», а не «атомизированным суррогатом западной культуры», который приобрел наиболее широкое распространение, начиная с популяризации либеральных трудов Дж. Локка и европейских Просветителей. Народ представлялся Трубецкому совокупностью всех поколений, образующих единство культуры, оформленное в виде государства. Государство же не выражает «волю всех», а опирается на корпоративизм носителей государственных функций.

Говоря о форме правления в России Н. Трубецкой считает, что форма правления не является главным фактором, образующим государственный строй. Важны скорее типы отбора правящего строя, а не типы правления и функции главы государства. Для политического устройства в России ученый склоняется скорее к республике [8, с. 481–483]. Н. Трубецкой при описании формы правления акцентировать внимание на социологический фактор, т. е. на тип отбора в правящие слои и тип системы избирательного права, в чем усматривается влияние теории элит Г. Моска и В. Парето. Демократическому и аристократическому типу отбора в элиту ученый противопоставлял выведенный евразийцами идеократический тип, в чем пересекается с философией К. Шмитта [9, с. 521]. В данной концепции чувствуется влияние античного философа Платона.

Так, по мнению Н. Трубецкого, идеократия заключается в соотношении индивидуальных целей общему мирозерцанию, где власть находится в руках добродетельных идеологов, которые формируют правящую элиту. Как следствие он не видел противоречий между конституционной монархией и республикой. Выдвигая положение об авторитарной идеократии, ученый подразумевал существование планового хозяйства в промышленности и культуре. Подлинной же идеократией может являться только империя, идеей-правительницей в которой служит благо «многонародной личности». В соответствии с этим весь государственный структуры и социальные институты существуют в поле одной «идеи-правительнице» (идеологии), создающий культурный стресс, обеспечивающий монолитность и устойчивости всей системы.

С учетом сложных условий обеспечения качественного государственного управления и дальнейшего развития гражданского общества, особый интерес для современных исследователей представляют, хотя и несколько идеализированные, но, тем не менее, оригинальные альтернативные модели построения эффективной народной демократии в России, представленные ученым. Так в работах Н. Трубецкого широкое распространение получила идея преодоления партийной демократии или упразднения самой причины многопартийности. «Многопарламентская система» была призвана устранить противоречия между избирателем и партией, выражающей его интересы. Законодательные органы, по мнению ученого, должны были включать в себя представителей профсоюзов и населения, «спецов» (политических профессионалов) и «идеологов» [10, с. 458—459]. Граждане отдают свои голоса на внутриорганизационных выборах за кандидатуры представителей этих трех групп. Как следствие отпадает надобность в партийной системе. В подобной системе хорошо прослеживается влияние идей Платона. Так, многопарламентская система предполагает несколько парламентов с ограниченной сферой ответственности, в каждом парламенте представлены строго определенные группы заинтересованного населения. Все население организовывается в союзы, с определенным назначением. Союзы подразделяются на несколько типов профессиональные, научно-технические общества, идеологические организации. Все органы равны между собой в полномочиях. Для устранения противоречий между союзами организуются особые комитеты или «общественный сенат».

Подобные воззрения позволяли первым евразийцам видеть в новом советском режиме представителя части своих идей, реализуемых через единую идеологию и партию. Что достаточно легко позволяло им ассоциировать СССР с прообразом идеального евразийского союза.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что те многочисленные вопросы, затронутые в работах Н.С. Трубецкого, не теряют свою актуальность и в настоящее время. Для дальнейшего развития современных неоевразийских концепций, служащих научным фундаментом в построении нового политико-экономического союза на евразийском пространстве, потребуются переосмысление исторического научного наследия первых евразийцев.

Литература:

1. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество // Наследие Чингисхана. М., 2000. с. 29
2. Трубецкой, Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921—1928. С. 133.
3. Трубецкой, Н.С. Общевразийский национализм. с. 500.
4. Трубецкой, Н.С. Об истинном и ложном национализме // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. с. 113.
5. Трубецкой, Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921—1928. С. 151.
6. Трубецкой, Н.С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. с. 224.
7. Трубецкой, Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. с. 3—9.
8. Трубецкой, Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Париж, 1927. Вып. VII. с. 481—483.
9. Трубецкой, Н.С. Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М., 2000. с. 521
10. Трубецкой, Н.С. Письма к П.Н. Савицкому. С. 458—459.

Элиты против масс. Управление сознанием

Яковлева Эльвира Владимировна, аспирант

Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова

Человеческое общество на протяжении практически всей своей истории было неоднородным. Всегда выделялись большинство и меньшинство, по тем или иным признакам. Также испокон веков существуют отношения господства и зависимости, управления и подчинения. Именно благодаря

этому и появилась власть, появились государство и политическая жизнь. Изучение политики и ее истории невозможно без рассмотрения такого понятия, как «элита». По сути, именно элиты делают политику, формируют то состояние общества и государственного устройства, которые мы наблюдаем. Несомненно, у элит есть свои цели, а также свои методы достижения этих целей. Кроме того, элиты непосредственно связаны с массами. Две эти группы постоянно взаимодействуют, пытаются контролировать друг друга и пристально друг за другом наблюдают.

Элита (франц. elite — лучшее, избранное) — понятие в социологии, обозначающее высшие привилегированные слои в обществе, осуществляющие функции управления, развития науки и культуры [1].

В определении понятия «элита», данном в философском энциклопедическом словаре [1], также говорится, что причиной возникновения элиты является природная одаренность, составляющих ее индивидуумов, это незаурядные творческие личности, наделенные особыми качествами — прозорливостью, предприимчивостью, инициативой и т.д. Это избранная категория, которая в социально-иерархической структуре общества занимает привилегированное положение. Уже здесь ощущается ее противопоставление всем остальным, широким массам, толпе. Именно в этом противопоставлении заключается суть теории элит. Разрабатывать подобную теорию начали еще в Античности. В своих трудах Платон описывал группу философов-аристократов, которые умеют профессионально управлять государством. Основным критерием формирования элиты Платон считал образование и воспитание. Выходцы из низов никогда не смогут правильно распорядиться властью [2]. «Согласно платоновской концепции, мерилom политики служат структура и толкование человеческого бытия. Участие в политической жизни предполагает наличие различных качеств: практического ума, способности к трезвой оценке обстановки, умение правильно владеть конкретными ситуациями, ораторских способностей, справедливости, опытности, бескорыстия и т. п». [3].

Конфуций относил к элите, в первую очередь, людей с высокими моральными ценностями — «благородных мужей». Они заботятся об общественном благе, а не о личной выгоде, в отличие от «низких людей». Именно благородство, по мнению китайского мудреца, давало человеку право власти над остальными [4].

Понятие политической элиты появилось после того, как политика превратилась в самостоятельную сферу общественных отношений. Случилось это

благодаря трудам итальянского ученого Никколо Макиавелли. Именно его идеи легли в основу теории элит, более подробно разработанной его последователями. Свою теорию, в отличие от древних мыслителей, они создавали в процессе наблюдения за реальными политическими событиями и их последствиями. Современная теория элит, как система взглядов возникла на рубеже 19—20 столетий в работах В. Парето, Г. Моски и Р. Михельса. «Самих элит насчитывают, как правило, пять: политическая, экономическая, административная, военная и идеологическая» [1]. Особое место занимает политическая элита, поскольку она обладает властными полномочиями и способна вершить судьбы целых народов. Люди, входящие в такую элиту являются профессиональными политиками.

Итальянский социолог Вильфредо Парето (1848—1923) говорил о том, что представители элит должны обладать особыми качествами, уметь подчинять большинство, владеть техникой убеждения. Кроме того, такой человек должен быть способен на насилие и в любой момент быть готов к нему прибегнуть: «Живое существо, которое не желает ответить ударом на удар и боится пролить кровь своего врага, признаёт себя побеждённым и попадает во власть противника» [5]. «В понимании Парето политикой и экономикой руководят две основные группы лидеров: «лисы», способные на эксперимент и открытия, но лишённые преданности принципам, которые гарантируют стабильность социальной жизни, а также «львы», которые представляют консервативные силы, но имеют также глубокое чувство преданности ценностям семьи и нации. «Львы» отстаивают классовую солидарность, патриотизм и религиозные ценности. При этом они в отличие от склонных к постоянным интригам «лис» не боятся использовать силу, если это необходимо» [6].

«Что же касается самих низших классов, то они не способны управлять, и охлократия не приводила никогда ни к чему другому, кроме бедствий», — писал сам В. Парето о противостоящих элите массах [5].

Соотечественник Парето итальянский политолог и социолог Гаэтано Моска (1858—1941) посвятил проблеме элит свою работу под названием «Правящий класс». «Суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства», — пишет Г. Моска в своей книге [7]. Так же, как и В. Парето, Моска наделяет элиты особыми качествами, которые отделяют их от заурядной массы. Толпа апатична, она сама хочет благоговеть перед чужой силой.

Немецкий социолог Роберт Михельс (1876–1936) считал, что господство олигархии присутствует в любой социальной организации. Об этом он писал в своей книге «Политические партии». «Говоря «организация» — говорим «олигархия»», — утверждал ее автор [8]. Рядовые члены организации слишком слабы и некомпетентны, чтобы контролировать свою элиту, которая со временем захватывает всю полноту власти. В последствии эта мысль была названа «железный закон олигархии» Р. Михельса. Ее создатель считал, что олигархия — это благо для любой организации и любого общества, поскольку демократия — это утопия. Чаще всего демократией называют соперничество олигархических групп. Придя к таким выводам, сам Михельс отказался от поддержки социалистических учений и полностью перешел на сторону фашизма и принял идеологию Б. Муссолини [9].

Сегодня без политической элиты невозможно себе представить жизнь любого общества. Делится она, как правило, на две категории: чиновники-исполнители и публичные политики, ведущие реальную политическую борьбу, исповедующие какие-либо политические принципы и отстаивающие определенную идеологию. Кроме правящей элиты, также существует оппозиционная, или контрэлита, которая стремится к власти [10]. Понятие «массы», в политическом смысле, соотносится с таким понятием, как «народ». Это очень сложное и неоднородное явление, народ состоит из совершенно разных социальных групп, зачастую с полностью противоположными целями. Народ постоянно пребывает в состоянии внутренних социальных конфликтов, противоречий и борьбы. Состояние целостности присуще народу крайне редко, лишь перед лицом общей опасности. Политическая элита также является частью народа, она представляет собой меньшинство, в руках которого сосредоточен контроль над ресурсами, обеспечивающими власть. Эти ресурсы данная группа подчиняет своим определенным целям, она устанавливает правила, по которым живут все остальные и способна направить массы по нужному ей направлению. В идеале, целями политической элиты должны быть интересы государства и благо народа, чаще всего — основной целью власти является удержание и усиление этой самой власти, о чем писал еще Н. Макиавелли [11]. Однако какими бы ни были конечные цели власть имущих групп им трудно обойтись без управления сознанием масс для того, чтобы поддерживать в народе «правильные» настроения. «Обманывающий всегда найдёт того, кто даст себя одурачить», — писал Макиавелли [11], главное иметь в руках подходящий инструмент для манипуляции, которым сегодня, чаще всего ста-

новятся Средства массовой информации (СМИ) и Средства массовой коммуникации (СМК).

«Дело обстоит таким образом, что даже самые умные индивиды, собираясь в массу, являют собой сосредоточения глупости, а не ума», — пишет исследователь С. А. Зелинский [12], тем более, что власти более выгодна именно глупая масса. Используя инструменты манипуляции элиты убеждают массы в том, что заботятся о людях, отстаивают их интересы, а если происходят сбои, то власть находит виновных и демонстративно наказывает их. Лидеры стремятся пробудить в массах веру в некие необходимые им идеалы: «Все равно, религиозную ли, политическую, социальную, или веру в какое-нибудь дело, человека или идею», — отмечал французский социолог Гюстав Лебон [13]. Это достигается разными способами. Один из них — многократные повторения по разным каналам СМК необходимых посылов и установок, которые постепенно откладываются в подсознании аудитории. Также большое значение имеет личный пример лидера. К примеру, недавно в российских СМИ широко была растиражирована новость о том, что президент страны сократил себе и другим чиновникам заработную плату на 10% в условиях экономического кризиса [14]. Это должно было продемонстрировать народу готовность лидера терпеть временные трудности ради общего блага, тем самым призывая к этому и других граждан. «Человек так же, как и животное, склонен к подражанию; оно составляет для него потребность при условии, конечно, если не обставлено затруднениями. Именно эта потребность и обуславливает могущественное влияние так называемой моды. Кто же посмеет не подчиниться ее власти, все равно, касается ли это мнений, идей, литературных произведений или же просто-напросто одежды? Управляют толпой не при помощи аргументов, а лишь при помощи образцов. Во всякую эпоху существует небольшое число индивидов, внушающих толпе свои действия, и бессознательная масса подражает им», — отмечает Г. Лебон [13].

Развитие СМК несомненно увеличило силу воздействия на массы и тем самым усилило позиции элит в целях подчинения себе других слоев общества. В первую очередь, это стало возможно благодаря всеохватываемости СМК, дающее возможность воздействия и на большее количество индивидов и программирования их поведения в интересах элиты.

«Причем с развитием современных СМИ, а также появлении большого количества эмпирических фактов результативности психотерапевтических методик в воздействии на массы, появляется возможность говорить о возможности воздействовать на психическое сознание масс с целью формирования

масс в искусственные толпы. (Примеры т. н. бархатно-оранжевых республик в бывших советских республиках, в которых в результате политических технологий и методик манипулирования массовым сознанием удалось свергнуть законное правительство.)» [12].

Литература:

1. dic.academic.ru Философский энциклопедический словарь. 2010
2. lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo. txt Платон. Государство
3. society.polbu.ru.html, В. И. Добреньков, А. И. Кравченко. История зарубежной социологии. Социально-философское учение Платона. Платон «Законы»
4. ru.wikipedia.org
5. Вильфредо Парето, Социалистические системы/Теоретическая социология: Антология в 2-х частях, Часть 1, М., «Университет», 2002 г
6. vikent.ru Теория циркуляции элит по Вильфредо Парето
7. read.virmk.ru Моска Г. Правящий класс // Социс. 1994. № 10. с. 187—198
8. www.umk.virmk.ru Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии //Диалог. 1990. № 5, 9; 1991. № 4.
9. Mitzman, A. Sociology and estrangement: three sociologists of Imperial Germany. New York: Knopf, 1973
10. www.grandars.ru Теории элит
11. Макиавелли, Н. Избранные произведения. М., 1982
12. lit.lib.ru, С. А. Зелинский. Информационно-психологическое воздействие на массовое сознание. — CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2014. — 403 с.
13. lib.ru, Г. Лебон. Психология народов и масс
14. vz.ru Путин сократил себе зарплату на 10 %. 6 марта 2015
15. bookap.info Зыкин Д. Власть. Элита, народ. Подсознание и управляемая демократия

4. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Методологические подходы к обеспечению межнациональной политики Российской Федерации

Кунец Марк Сергеевич, магистрант, специалист в области международных отношений

Сибирский институт международных отношений и регионоведения (г. Новосибирск)

В статье приводится теоретическая характеристика подходов к созданию благоприятной среды в области межнациональных отношений и требований к ее обеспечению. Важным звеном в определении качества национальной политики являются методы ее осуществления. Необходимость контроля межнационального вопроса и развития внутреннего диалога между представителями разных национальностей определяет курс на создание соответствующих структур.

Ключевые слова: национальная политика, межнациональный диалог, национальная безопасность.

Для России — с ее многообразием языков, традиций, этносов и культур — национальный вопрос, без всякого преувеличения, носит фундаментальный характер. Любой ответственный политик, общественный деятель должен отдавать себе отчет в том, что одним из главных условий самого существования нашей страны является гражданское и межнациональное согласие. Мы видим, что происходит в мире, какие здесь копятя серьезнейшие риски. Реальность сегодняшнего дня — рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Национализм, религиозная нетерпимость становятся идеологической базой для самых радикальных группировок и течений. Разрушают, подтачивают государства и разделяют общества. Гражданский мир и межнациональное согласие — это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог. Это — кропотливая работа госу-

дарства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии» [3].

Национальная политика относится к теоретическим и актуальным практическим проблемам современности. Это сложное явление, охватывающее все сферы жизни общества. Она имеет и относительную самостоятельность как система мер, осуществляемых государством, направленных на учет и реализацию национальных интересов. Государственная национальная политика включает стратегические задачи жизнедеятельности государства, это политика осуществления интересов всей нации. Именно так это принято понимать во всем мире [1.1]. Национальная политика не должна выделять граждан одной этнической принадлежности по отношению к другой. Она должна обеспечивать единство правовой системы на всей территории страны, устанавливать единые общенациональные культурные стандарты образования, воспитания и поведения, которые для России проистекают из русской культуры и традиции [2]. Основным показателем благоприятности проводимой государственной политики в области межнациональных отношений является высокий уровень гармоничного взаимодействия государства с национальными общественными объединениями. Степень взаимодействия зависит от таких качественных характеристик, как проявление гражданской солидарности общества; уровня национальной преступности; экономической составляющей; содействия общества и национальных объединений процессу сохранения национальной идентичности, культур и традиций; и др. Из этого следует, что для улучшения качества национального фона возможен лишь такой полезный и взаимовыгодный диалог государства и наций, который затрагивает все области общественной жизни, который невозможен без всеобъемлющего сотрудничества.

Важнейшим элементом взаимодействия является формирование единой информационной политики государства с функционируемыми национальными объединениями. Причина выделения именно информационной сферы взаимодействия лежит в возможности данного метода положительным образом воздействовать на субъективность подходов в освещении событий, происходящих на межнациональном уровне и выражаемых отдельными сторонами, что впоследствии может стать эффективным методом борьбы против разобщения на пути к общим целям в становлении благоприятного и взаимовыгодного национального диалога. Если в способах определения и дезорганизации конфликтной стороны межнационального вопроса метод информационной политики символично отметить как внешний фактор взаимодействия, то внутренним средством решения возникающих вопросов будет являться

конкретный системный проект по улучшению межнациональных отношений. В случае существенной необходимости областью реализации общей информационной политики в вопросе формирования общественных национальных связей является своевременное обеспечение представительств национальных объединений характерной государству единой политической линией о текущем положении дел, тогда как внутреннее воздействие программного метода будет отличаться наличием в нем законодательного препятствия для возникновения необходимости использования способов пресечения возможных конфликтов. Потребность внутреннего воздействия на обстановку в области межнациональных отношений говорит о том, что общую стратегию, целью которой являлся бы поиск путей гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений, а также улучшение миграционной политики и борьба с ксенофобией и расовой нетерпимостью, в принципе, невозможно выработать без обобщения методов взаимодействия наций в единый проект по изучению и формированию совместного международного опыта в сфере межэтнических отношений и реализации его в национальной политике государств.

В связи со сложностью и многозадачностью поставленных вопросов сфера разрабатываемых и реализуемых проектов для укрепления единства наций, гармонизации межэтнических отношений, этнокультурного развития и взаимодействия с общественными объединениями, созданными с целью сохранения и развития этнических традиций и языков народов России, должна соответствовать потребностям, а также интересам коренного общества, где основные императивные задачи данных проектов напрямую соотносимы с социальными, конфликтноразрешающими и экономическими нуждами национальных образований. Главной целью таких проектов должно являться повышение качества взаимодействия во взаимоотношениях органов государственной власти Российской Федерации с национальными, политическими, а также другими общественными организациями. На практике такие проекты должны быть не только платформой качественного укрепления межнациональной обстановки, но и представлять результативный механизм по установлению мира и согласия в межэтнических отношениях. На национальном уровне общественной жизни благополучная реализация поставленных задач через программы и проекты взаимодействия должна стать приоритетным направлением на пути развития сотрудничества и взаимопонимания народов населяющих государство.

Особое значение в процессе разработки и реализации проектов играет взаимодействие с международными и неправительственными организациями,

целью которого является обеспечение национальных меньшинств правом и защитой, а также недопущение дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой и религиозной принадлежности. Хотелось бы отметить, что важным значением для реализации проектов и программ является взаимодействие не только с различными общественными организациями, но и с главными структурами Российской Федерации в среде национальной политики и безопасности, среди которых:

- Консультативный совет при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями;

- Экспертный совет Комитета Государственной Думы по делам национальностей;

- Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям;

- Комиссия по межнациональным отношениям и свободе совести при Общественной палате Российской Федерации;

- Управление Президента Российской Федерации по внутренней политике и др.

На уровне межнациональной составляющей общественной жизни необходимость институционального обеспечения как внутреннего, так и внешнего взаимодействия определяется по ряду причин:

- Возможностью органа власти, реализующего программу, к ситуационному воздействию на конкретную подведомственную территорию.

- Локальностью сосредоточения методов ведения национальной политики согласно реализуемой под нужды региона деятельности.

- Взаимодействием в рамках определенной территории, закреплённой масштабом подведомственной программы, что в какой-то мере сужает круг обязанностей, но увеличивает их практическую пользу для региона.

В среде национальной политики это говорит, прежде всего, о нуждах именно регионального взаимодействия и, как следствие, о необходимости расширения полномочий правительственного органа, отвечающего за внутреннюю национальную политику проводимую в регионах. Кроме этого не отрицается необходимость создания программы федерального значения, для объединения существующих проектов и направлением их в правильное русло для реализации.

Разработка проектов и программ, относящихся к национально-политической сфере деятельности государства, и их внесение на рассмотрение в установленном порядке должна производиться следующим образом:

— Анализ состояния текущего диалога с национальными, политическими и другими общественными объединениями рассматриваемого региона или города.

— Выявление масштабов воздействия исполнительных органов государственной власти на различные национально-культурные объединения с целью стабилизации этнополитической ситуации в регионе.

— Системная структуризация задач подготавливаемых и реализовываемых проектов, а также мониторинг соответствия их целям.

— Определение эффективности и качества выполняемой работы федеральных законов, нормативных правовых актов Российской Федерации и иных правовых актов в регионе для возможности поиска проблем и недостатков.

— Рассмотрение уровней развития межнационального и межконфессионального взаимодействия между представителями различных культур.

— Различные мероприятия по установлению потребности в повышении качества и эффективности взаимодействия Правительства с муниципальными образованиями, этническими общинами, диаспорами, национальными объединениями и структурными подразделениями органов власти.

— Оценка текущей деятельности и эффективности реализуемых задач в области укрепления межнационального сотрудничества.

— Поиск и выявление существующих недостатков в правовых актах, относящихся к функционируемым проектам национальной политики.

— Создание основных технико-экономических показателей проекта, его продолжительности, необходимых ресурсов.

— Планирование содержания проекта, потребности в трудовых, материально-технических и финансовых ресурсах, сроков снабжения, материалов и технологического оборудования, а также возможностей привлечения сторонних организаций.

— Подготовка замечаний по критериям качества и эффективности выполняемых актов и проектов.

— Создание функционирующего совета, ответственного за исполнение проекта.

— В соответствии с установленными целями и задачами согласование с Правительством механизмов реализации проектов, предусматривающих мероприятия, сгруппированные с учетом их функциональной взаимосвязи.

— Создание условий для реализации программ или проектов.

— Реализация поставленной задачи программы или проекта.

Существующие сегодня различные мероприятия и проекты так или иначе, но в некоторой степени требуют конкретной модернизации, или даже реформации, под имеющиеся запросы современного общества. Государство постепенно уменьшает конфликтность межнациональной среды путем внедрения соответствующих программ и стратегий в области межнациональных отношений. Важными шагами на пути к установлению мира в стране стало создание федеральной целевой программы — «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)»; а также обозначения необходимости выработки новых концептуальных подходов и выработки единых решений проблем в «Стратегии национальной политики Российской Федерации до 2025 года»; постановка направлений региональных программ государственной национальной политики в «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации»; и конечно же системное обозначение приоритетов Российской Федерации в решении глобальных проблем в формировании нового мироустройства «Концепции внешней политики Российской Федерации». Позитивный сдвиг в области межнациональных отношений, благодаря предпринимаемым мерам Правительства Российской Федерации, все-таки заметен, но, тем не менее среда так и остается конфликтной. Прежде всего, это говорит о необходимости создания всеобъемлющей структуры по приведению в действие федеральных программ и отслеживающей текущее состояние межнациональных отношений, способной воздействовать как внутренним составляющих методов так и внешним. Такая структура, основанная на интересах национальных представительства, представляла бы собой проект обобщения существующих мероприятий и программ взаимодействия с национальными представителями различных культур. Такое структурное обобщение интересов могло бы выражаться международной интеграцией во благо единства наций, связующей вместе национальные меньшинства.

Фундаментальным основанием проекта для федеральной структуры межнациональной политики может послужить осмысленный теоретический и аналитический материал многих известных представителей науки и журналистики, занимающихся исследованием таких аспектов, как международные отношения, мировая политика, национальная безопасность и религиоведение. Методологическую же основу могут составить концептуальные подходы, определяющие сферу межнациональной политики и факторы ее нестабильности.

Литература:

1. В.В. Обрежа, С.Г. Колбанов, В.Н. Прищепенко. «Концепция национальной политики». — ОСГО, 2011 г.
2. Н.В. Кокшаров. Современная национальная политика России. [Электронный ресурс]/Кокшаров Н. — Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/336/28/>
3. В.В. Путин. Россия: национальный вопрос. [Электронный ресурс]/Независимая газета, 2012// Путин В. — Режим доступа: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html

Место и роль гражданского общества в процессе политической модернизации России

Прядкина Ирина Михайловна, аспирант

Воронежский институт экономики и социального управления

В статье рассматриваются вопросы, связанные с расширением социально-политических факторов модернизации в современной России. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с влиянием гражданского общества на политическую модернизацию страны.

Ключевые слова: *политическая модернизация, гражданское общество, правящая элита, политическая система, демократия.*

Модернизации России, в том числе политической, отечественные ученые уделяют значительное внимание. Спектр проблем, поднимаемых при этом, также весьма широк: от институциональных оснований, факторов и ресурсов реализации до анализа рисков и угроз, а также модернизационных преобразований в современном социально-политическом пространстве России [2, с. 36].

Проведение политической модернизации в современной России — актуальная задача, поскольку демократические транзиты «третьей волны» в большинстве случаев не завершились созданием консолидированных демократий.

Под собственно политической модернизацией в политической науке понимают процесс создания эффективных властных институтов и механизмов,

формирование эффективной и компетентной бюрократии европейского типа, расширение участия масс в политике, становление правового государства и гражданского общества [6, с. 25].

Обращение к истории многократных полуудачных российских попыток модернизации показывает, что для нашей страны традиционным является подход к реформам в стиле «преобразований сверху», эффективность которых неуклонно падает. Для всестороннего обновления современного российского общества необходима активная поддержка и участие гражданского общества, полноценное формирование которого само является частью российской модернизации. Только развитое гражданское общество может, как показывает опыт стран Запада, стать прочной базой демократии, без которой будет невозможно сломать все преграды на пути решительной модернизации России [6, с. 5].

В мире регулярно проходит множество конференций и семинаров, посвященных поиску универсального определения гражданского общества. Приведем пример одного такого определения. В новой философской энциклопедии гражданское общество понимается как общество, достигшее партнерских отношений с государством, способное поставить государство под свой контроль, в котором возможность его членов реализовать свои права и обязанности дополняется способностью государства обеспечить безопасность общества в целом и отдельных граждан [7, с. 549].

Гражданское общество в России, по мнению Никовской Л.И., пока еще не заверченный демократический проект (а во многом и заблокированный), так как его развитие тормозится самим состоянием нынешнего российского общества — его социокультурной средой (патернализм, традиционность); неразвитостью социальной структуры; нищетой и материальной обездоленностью большинства населения, социальной деградацией его жизни; характером власти (стремление к монополизации, к ее несменяемости, закрытости, бюрократизации) [6, с. 92].

И чтобы попытаться изменить ситуацию в лучшую сторону, гражданскому обществу в России предстоит пройти долгий и нелегкий путь к зрелости, а продвижение по этому пути должно осуществляться в контексте задач более широкого процесса — политической модернизации российского общества.

Доктор политических наук А.Н. Аринин считает, для того чтобы модернизация страны прошла успешно, политической элите следует готовить российское общество к реформам, вовлекать его в процесс необходимых преобразований. В этих целях элите следует:

- поделиться с обществом частью своих власти и богатств, ибо, чтобы что-либо получить, необходимо прежде обязательно что-то отдать;
- обеспечить строгое соблюдение законов и прав граждан, руководствуясь при этом принципом неукоснительной ответственности каждого человека за свою жизнь, судьбу и осуществляемые им действия, в том числе в сферах общественно-политических, государственных и экономических отношений;
- активно просвещать народ — объяснять цели и задачи модернизации России;
- создавать и передавать обществу инструменты модернизации;
- подключить граждан к осуществлению модернизации страны с помощью демократизации общественных отношений [4, с. 137–138].

Отсюда следует очевидный вопрос: готово ли российское общество включиться в процесс осуществления модернизации страны? «Да, в российском обществе есть довольно значительный модернизационный потенциал», — отвечают исследователи Института социологии РАН, которые в марте — апреле 2010 г. опросили 1750 респондентов в возрасте от 18 лет и старше, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представляющих основные социально-профессиональные группы населения [1, с. 4].

23 % опрошенных заявили, что готовы к переменам. Исследователи назвали таких россиян «модернистами». В большинстве своём это наиболее образованные граждане, активные пользователи интернета, ценящие свободу и рассчитывающие в сегодняшней жизни только на себя.

15 % оказались «традиционалистами». Это так называемые «социальные низы», в основном рабочие и пенсионеры, уверенные, что без помощи государства выжить сложно. Перемены «традиционалисты» не поддерживают.

Более половины всех опрошенных — 62 % — были названы авторами исследования «промежуточными».

Суть модернизации большинство участников опроса видят в социальной трансформации общества — «равенстве перед законом», «жёсткой борьбе с коррупцией», «обеспечении социальной справедливости». Лишь каждый 4-й респондент ключевой идеей модернизации назвал «формирование эффективной инновационной экономики».

55 % россиян главным тормозом прогрессивного развития России считает чиновников, треть опрошенных — сотрудников правоохранительных органов. Причина этого одна — коррумпированность и тех, и других. Исследователи опросили самих «обвиняемых» и выяснили, что «практика взяток не просто

широко укоренена в управленческих и правоохранительных госструктурах, но и перестала восприниматься их сотрудниками как нечто противоестественное, ненормальное».

Полученные в ходе исследования данные привели социологов к выводу: базой модернизационного прорыва в России может стать только «новый средний класс», объединяющий профессионалов и концентрирующий значительную часть тех, кого называют модернистами.

Заявленный руководством страны курс на модернизацию общества требует привлечения значительных ресурсов, в том числе и активизации потенциала граждан, структур гражданского общества. Постановка целей модернизации в Послании Президента Д. А. Медведева Федеральному Собранию РФ 2009 г. делает акцент на политической и «человеческой» составляющей: «Первый опыт модернизации, основанной на ценностях и институтах демократии... Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей» [3].

Как показывает мировая практика реализации модернизационных проектов, одним из условий их успешности является наличие социальных сил, способных стать инициаторами и проводниками перемен [6, с. 93]. Здесь особенно важным становится механизм обратной связи между властью и обществом, где власть будет своевременно реагировать на тенденции развития общественных процессов, корректировать управленческие решения, снимать общественное напряжение. А общество, в свою очередь, верит институту представительства интересов в возможность влияния на принятие социально значимых решений. Другими словами, решение этой задачи предполагает последовательную интеграцию вступающих в политическую жизнь новых групп интересов посредством создания развитой системы социального представительства и политической коммуникации, что позволит правящей элите своевременно реагировать на эти интересы.

Отказываясь от развития и использования полноценного режима симметрично выстроенной коммуникации с активными группами гражданского общества, предпочитая режим политического монолога, административного приказа или окрика, или просто умолчания, отечественная правящая элита вносит самый существенный вклад в снижение гибкости и адаптивности созданной политической системы. Вызовы внешней среды (природные или социальные катаклизмы, кризисы, революции) в условиях регидности такой политической системы могут привести к элементарному коллапсу всей системы политико-властных институтов в нынешнем виде [5, с. 177].

Таким образом, важная роль в политической модернизации принадлежит гражданскому обществу и его структурам. Для российской политической модернизации огромное значение будут иметь политические и социальные инициативы граждан, реализация которых может оказать существенное воздействие на демократизацию политической системы страны.

Со стороны правящей элиты требуется информировать, разъяснять активным группам населения политику модернизации страны.

Со стороны населения требуется стимулировать гражданское участие конкретного человека, он должен стать более активным и деятельным.

В итоге конечной целью политической модернизации должно стать формирование нового типа взаимодействия общества и власти, чтобы население могло реально влиять на управленческие решения на всех уровнях власти.

Литература:

1. Готово ли российское общество к модернизации? /Под. ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2010. — 189 с.
2. Ляхов, В.П. Политическая модернизация в России: теоретический дискурс /В.П. Ляхов // Социум и власть. — 2014. — № 2. — с. 36–40.
3. Медведев, Д.А. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. 30 ноября 2009 г. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.
4. Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке /отв. ред. А. Н. Аринин. — М.: РОССПЭН, 2010. — 319 с.
5. Молокова, М.А. Гражданское общество как фактор политической модернизации: проблемы и вызовы /М.А. Молокова // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 5. — с. 173–179.
6. Никовская, Л.И. Гражданские инициативы и модернизация России: [сборник статей] /Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, М.А. Молокова. — Москва: Ключ-С, 2011. — 336 с.
7. Федотова, В.Г. Гражданское общество // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — Т. 1 — М.: Мысль, 2010. — с. 549–550.

Асимметрия российского федерализма: конституционно-правовой аспект

Тимченко Дарья Валерьевна, магистрант
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Проблема симметрии и асимметрии в территориальном (прежде всего в федеративном) устройстве государства привлекает внимание правоведов и политологов уже несколько десятилетий, но по-прежнему остается актуальной.

Мировая история не знает примеров существования симметричных государств. В любом государстве существует правовое или фактическое неравенство территориальных образований, входящих в его состав, что предопределяется объективными основаниями, которые могут быть связаны со спецификой национального состава населения, лингвистическим и конфессиональным разнообразием, с диспропорциями в социально-экономическом развитии местностей, с особенностями климатических условий и иными фактическими обстоятельствами. Рассмотрение государства в контексте равенства его субъектов становится важной характеристикой не только формы его государственно-территориального устройства, но и политического режима.

Анализ практики функционирования современных федеративных государств позволил ввести в научный оборот термин «асимметричный федерализм», который означает федеративные отношения, основанные на неравенстве единиц, составляющих федерацию, в политических, административных, финансовых и иных сферах и допускающие вариативность во взаимоотношениях субъектов Федерации с федеральным центром [7].

Главная заслуга в популяризации терминов «симметрия» и «ассиметрия» применительно к отечественной конституционно-правовой материи принадлежит В.Е. Чиркину, предложившему три параметра асимметрии федераций [6, с. 151]:

- 1) наличие в составе федерации помимо ее субъектов иных территориальных образований,
- 2) неравенство конституционного статуса субъектов федерации,
- 3) «скрытую асимметрию» (выражающуюся, в частности, в неравном представительстве субъектов федерации в верхней палате федерального парламента).

Несмотря на объективную обусловленность, правовая асимметрия регионов — весьма неоднозначное явление. В частности, следует признать наличие хотя и нечетких, но все же реальных пределов такой асимметрии, за которыми становится ощутимой опасность дезинтеграции государства. И поскольку асимметричность территориального устройства ассоциируется с угрозами сепаратизма, в юридической и политологической литературе она чаще всего оценивается негативно. В то же время определенные угрозы государственному единству можно усмотреть и в излишнем стремлении к полной правовой симметрии регионов многонационального, поликонфессионального, лингвистически и (или) культурно неоднородного государства.

На основании анализа социально-экономических показателей и политического процесса современные исследователи делают вывод о том, что Российская Федерация с позиции асимметрии прошла три этапа развития федерализма [1, с. 8–15].

Первый этап характеризовался (1990–2000 гг.) стихийным движением в направлении асимметричной модели федерации. Слабость центральной власти вынудила ее оставить право выбора формы реализации принципа федерализма за субъектами Федерации, часть которых предпочла движение в сторону асимметричной модели. Стихийный, нерегулируемый характер выбора асимметричной модели реализовался в тенденциях, аналогичных тем, которые запустили процесс распада СССР. Это не могло не наложить отпечатка и на процессы, происходившие после принятия в 1993 г. Конституции Российской Федерации. Вместе с тем в рассматриваемый период, как и до него, федеральный Центр оказался неспособен сдерживать стремление ряда регионов (особенно национальных республик) к произвольному расширению круга собственных полномочий. Наиболее ярко это стремление проявилось в двустороннем договорном процессе между Федерацией и ее субъектами.

Альтернатива угрожающему единству страны и общества стихийному движению в сторону асимметричной модели была предложена в рамках второго этапа (2001–2010 гг.) формирования основ российской федеративной государственности, который характеризуется регулируемым переходом к симметричной конфигурации федеративной модели государственно-территориального устройства.

Федеральный Центр сконцентрировался на укреплении «единой исполнительной вертикали власти», помимо прочего обеспечивающей формирование симметричной модели федеративной государственности. Признание в 2001–

2003 гг. нелегитимности двусторонних договоров и соглашений и их отмена разрушили экономическую основу «войны суверенитетов». Был введен контроль деятельности исполнительной и законодательной ветвей власти субъектов Федерации. Был более четко отрегулирован механизм исполнения полномочий по предметам совместного ведения Федерации и ее субъектов, предложена относительно прозрачная модель бюджетного федерализма. Такое регулирование постепенно приобретало все более явные черты управления унитарным государством.

С 2011 года начался третий этап формирования основ российской федеративной государственности, который характеризуется утверждением инновационной модернизации экономики в качестве стратегической цели. Предполагается, что на этом этапе центру и регионам удастся найти сочетание симметричной и ассиметричной модели федерации, которое позволит максимально реализовать положительные стороны этих форм федерации.

Субъекты Российской Федерации различаются между собой по величине территории, численности и плотности населения, его национальному составу. На неравенство субъектов Федерации указывают такие факторы, как существование регионов с льготными, особыми режимами природопользования, хозяйствования и налогообложения, территориальная дезинтеграция Российской Федерации, наличие «сложносоставных» субъектов Федерации, экономическая неравномерность развития регионов [2, с. 114].

В подобной специфической обстановке обозначился реальный федерализм, который характеризовался соединением типичных признаков организации большинства федеративных государств с такими особенностями, как: статусная асимметрия; акцентированная национальная «окрашенность»; неупорядоченность конструкции; несбалансированность потребностей и собственных ресурсов для реализации статусных полномочий органов власти субъектов РФ; чрезмерная персонифицированность реальных федеративных отношений и соответствующая возможность нарушений общего порядка взаимоотношений в политической, бюджетно-финансовой, национально-этнической сферах [8, с. 86].

Правовая асимметрия Российской Федерации заложена в Конституции Российской Федерации и в Конституциях (Уставах, Основных Законах) её субъектов. Эта асимметрия основана на правовой неопределенности статуса субъектов РФ, выраженного в Конституции РФ. Проблемы и сложности с конституционно-правовым равенством субъектов имели большое значение на первом этапе развития федерализма, когда конституционная неопреде-

ленность давала возможность «параду суверенитетов». В настоящее время, имеющиеся различия носят только формальный характер и не могут рассматриваться как действительная конституционно-правовая асимметрия. В настоящее время правовая асимметрия определяется через сферу налогового, бюджетного законодательства, регионального развития и иные специальные сферы.

Авторы рассматривают в качестве асимметрии в конституционно-правовом статусе субъектов Российской Федерации определенную Конституцией возможность формирования сложносоставных — «матрёшечных» субъектов. Отдельно выделяется проблема особого «привилегированного» конституционно-правового статуса республик [5], которая, по нашему мнению, в настоящее время в большей степени утратила свою актуальность по следующим причинам:

1) обозначение республики как государства в части 2 статьи 5 Конституции РФ [3]. Данное обозначение преследовало политические цели и в настоящее время, по сути, не имеет юридико-регулятивного значения, поскольку содержание понятия «государство в составе Российской Федерации» Конституция РФ не раскрывает. Конечно, республики, как и иные субъекты РФ, не являются государствами в международно-правовом смысле и суверенитетом не обладают;

2) обозначение в Конституции Российской Федерации Основных Законов республик как Конституций в противоположность Устам другим субъектам РФ. Этимологически эти категории весьма близки, а на практике отмеченная противоположность оказывается чисто номинальной. Из Конституции Российской Федерации не следует наличие качественно иного содержания или иной юридической силы конституций в сравнении с уставами. Конституция особо оговаривает лишь способ принятия устава: согласно части 2 статьи 66 Конституции [3] он принимается законодательным (представительным) органом соответствующего субъекта РФ (для конституций республик такое ограничение не предусмотрено;

3) закрепление права республик устанавливать собственные государственные языки в части 2 статьи 68 Конституции РФ [3]. Отличие республик сводится к обладанию правом именовать иные языки, помимо русского, государственными. В то же время правом устанавливать гарантии прав и свобод личности в дополнение к федеральным гарантиям (в том числе гарантии, относящиеся к использованию языков проживающих на его территории народов в официальном делопроизводстве) обладает каждый субъект РФ;

4) отнесение к совместному ведению РФ и ее субъектов обеспечения соответствия Конституции РФ и федеральным законам только конституций и законов республик, тогда как в отношении краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов указывается на обеспечение соответствия Конституции РФ и федеральным законам не только уставов и законов, но и иных нормативных правовых актов этих субъектов. Представляется, что указанные ограничения предопределялись политической конъюнктурой при подготовке текста Конституции РФ. В настоящее время региональное законодательство любого субъекта должно соответствовать нормам федерального законодательства.

Таким образом, о действительной конституционно-правовой асимметрии говорить не приходится. В существующих условиях правовая асимметрия определяется исследователями через анализ сфер налогового, бюджетного законодательства, регионального развития и иных специальных сфер, которые развивают общие положения Конституции РФ и других системообразующих норм федерального законодательства.

Литература:

1. Асимметрия в Российской модели Федеративных отношений/Под рук. С.Д. Валентя. — М.: Институт экономики РАН, 2012. — 57 с.
2. Иванов, А.М. Асимметрия как феномен федеративного устройства России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 5. — с. 114—117.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (в ред. от 21 июля 2014 года) // Российская газета. 1993. 25 декабря; 2014. 23 июля.
4. Лексин, И.В. Правовая асимметрия в территориальном устройстве государства: теория и практика // Государственное управление. Электронный вестник. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/35_2012leksin.htm.
5. Семин, С.В. Асимметрия субъектов как черта конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» — 2013. — № 1 (1).
6. Чиркин, В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ. // Государство и право. 1994. № 8—9. С.150—158.

7. Щупленков, О.В. Проблемы взаимодействия гражданского общества и государства в современной России/О. В. Щупленков, Н. О. Щупленков // NB: Вопросы права и политики. — 2013. — № 4. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://e-notabene.ru/lr/article_585.html.
8. Ю, М.С. Специфические особенности становления российского федерализма/М.С. Ю, И.М. Соломко // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 7. — с. 86–87.

Проблема имиджа региона в политическом пространстве России

Чирков Павел Сергеевич, студент

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье рассматриваются основные аспекты политического имиджа региона в РФ, а также раскрывается проблема формирования имиджа региона с основными вопросами и требованиями.

Ключевые слова: политический имидж региона, имидж, образ региона.

Современная политическая ситуация требует от политического центра и периферии особого внимания при осуществлении любой политики, направленной на регионы, поскольку это не только важный резерв политических, социальных и культурных ресурсов, но и источник формирования государственного бюджета, а значит экономической состоятельности всей страны. Каждый из выделенных аспектов оказывает особое влияние на имидж региона, в особенности на политический имидж.

В настоящее время потребность в формировании имиджа региона неоспорима, поскольку это позволяет региональным образованиям более эффективно лоббировать свои интересы, привлекать к нему внимание, способствовать формированию благополучного инвестиционного климата и далее региональной экономики, а также позволяет наладить особые политические связи между центром и регионом. Для субъекта федерации это особенно важно, поскольку это поле борьбы за «кредит доверия» к региональной власти, что в связи с этим дает возможность получить дополнительные ресурсы для развития региона.

Понимание дефиниции «имидж» чаще всего ассоциируется с понятием «образ», где имидж — это искусственно созданный образ какого-либо явления [1, с. 48]. Однако имидж следует понимать гораздо шире, чем просто образ, поскольку это может быть система образов, как минимум совокупность внутренних и внешних характеристик [2, с. 54]. Существенное дополнение может внести определение из Большого психологического словаря, где имидж определяется как «стереотипизированный образ конкретного объекта, существующий в массовом сознании» [3]. Данная дефиниция даёт четкое понимание, что главной целью имиджмейкеров является массовое сознание, по которому должен наноситься основной «удар», особенно, если речь заходит об имидже региона/страны или политика. Таким образом, имидж можно определить, как совокупность искусственно созданных образов какого-либо явления, внедряемый путем всесторонней коммуникации.

Одним из основных моментов при работе с образом региона является проблема разработки политического имиджа, где следует учитывать три наиболее значимых аспекта.

Во-первых, политический имидж должен быть востребованным. Никому не нужен имидж, который совершенно не соответствует личности человека, деятельности партии или характеристике региона. Он должен выделять лучшие черты, которые приветствуются гражданами в данный момент и конкретное время. Он должен выражать необходимость в нём людей, отвечать их потребностям и желаниям.

Во-вторых, он должен быть реалистичным. Политический имидж, который в значительной степени далек от реальности, не сможет получать достаточной поддержки. Станет очевидно, что он не достигнет поставленных целей и не вызовет положительного эффекта, если, например, регион позиционирует себя как продовольственный край, а на деле испытывает дефицит продукции. При этом важно, чтобы политический имидж включал в себя как позитивные, так и негативные элементы. В противном случае он будет рассматриваться как неестественный и чересчур искусственный, что уже не соответствует критерию реалистичности. В такой ситуации он будет неубедителен, не найдет достойной поддержки и даже может спровоцировать снижение доверия к тому, чей образ позиционируется.

И, наконец, в-третьих, он должен быть простым и ярким. Здесь нужно учитывать и угадывать эмоциональное состояние адресатов. Эмоциональная реакция должна возникать не сама по себе, а в результате визуального канала, воздействующего на сознание. Важным представляется достижение существ-

венной эффективности, которую можно определить, анализируя, правильно ли выстроен имидж, хорошо ли он донесен до каждого человека, и, в конечном счете, какую эмоциональную реакцию он вызовет [4, с. 37].

Также, по мнению Г.Л. Тульчинского [5, с. 28], имидж должен обладать гибкостью и вариативностью. Действительно, это представляется важным, если мы хотим создать устойчивый долгосрочный имидж, который сможет адаптироваться к постоянным изменениям внешнего мира. Информационное пространство современного мира очень чувствительно к любым событиям, поэтому имиджмейкеры должны также быть хорошими стратегическими планировщиками, стараясь учитывать возможные изменения внешней среды.

Политический имидж региона имеет свои нюансы. Он состоит из трех главных каналов: имидж внутри региона (среди жителей и местных элит), вовне региона (другие субъекты и федеральный центр) и в СМИ. Системный анализ региона позволит успешно рассмотреть запросы властей и местных жителей, а также увидеть, как данные требования и инициативы оцениваются в СМИ.

В связи с этим не менее значимым вопросом являются технологии создания политического имиджа. В данном контексте поднимается множество аспектов, например, какие технологии стоит применять, из каких компонентов должен формироваться политический имидж региона, кто должен осуществлять данную работу. Также важным является вопрос о целях, которые преследуют те, кто заинтересован в положительном имидже региона, представляющего собой «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков территории, а также собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа территории; отражение реальности территориального развития» [6].

Политический процесс здесь выражается в ряде политических действий, осуществляемых в соответствии с представлениями местного истеблишмента и политических партий, активистов и обычных граждан. Это будет отражать текущую действительность на всем пространстве разнообразных характеристик территории.

В условиях современности, когда политический имидж может приносить существенные преимущества, при анализе следует учитывать главные задачи имиджмейкинга: определение позиционирования, формирование имиджа, его поддержка, изменение и адаптация, ориентировка на конкурента.

Значимым представляется и тот факт, что без людей, на которых направлена имиджевая политика, сам имидж исчезает. Это подчеркивает значение коммуникаций, которые должны быть привязаны к характеристикам выбран-

ного региона. Общественность привыкла, что главным источником влияния на неё оказываются теле- радио- и печатные СМИ, поэтому всё большую независимость в данных условиях приобретает Интернет, поскольку на этот канал влиять сложно, так как в создании информации может участвовать каждый.

Говоря о привязке коммуникаций к характеристикам региона, следует делать акцент на осознание этих характеристик самим гражданами, поскольку в сфере Интернета именно они имеют властный потенциал как для создания, так и для разрушения имиджа. В данной ситуации, как замечает И.А. Василенко, имидж региона становится общим делом: каждый должен быть заинтересован в том, что скажут о его регионе, поскольку от этого зависит имидж самих жителей [7, с. 75].

Политический имидж региона в первую очередь адресован федеральному правительству, элите, бизнес кругам и широкой аудитории. Для каждой группы он играет свои функции. А.А. Минаев выделяет следующие функции политического имиджа региона:

- 1) Привлечение позитивного внимания и расположения к региону;
- 2) Выражение индивидуальности региона;
- 3) Формирование доверия к региону;
- 4) Привлечение инвестиций в региональную экономику;
- 5) Урегулирование отношений между региональной и федеральной властью [8].

Все выделенные функции по большей степени решают проблемные стороны регионов. Однако прежде чем политический имидж смог играть на благо региону, его следует правильно сформировать. На начальном этапе необходимо произвести стратегическое планирование развития имиджа, определить, какие цели мы хотим достигнуть с помощью имиджа. Самое главное — определить уникальность территориального субъекта. Далее, учитывая приведенные характеристики, сформировать желанный образ. По возможности это должен быть бренд региона, с которым жители смогут себя ассоциировать.

Дальнейшая работа должна быть ориентирована на каналы коммуникации такие как теле-, радио-, печатные СМИ, которые могли бы регулировать интенсивность упоминания основных элементов созданного политического образа региона. Для определения эффективности СМИ целесообразным считается проведение нескольких социологических исследований для того, чтобы получить полезную обратную связь, которая позволит понять, в каком направлении редактировать политический имидж региона.

При реализации имиджевой политики следует помнить, что политические решения оказывают серьезное влияние как на общественность, на сферы развития, так и на региональный политический имидж [9]. Если власть стремится позиционировать себя как эффективная структура, то её стремление должно быть обращено на принятие решений с положительным результатом, что не только благоприятно скажется на развитии региона, но и повысит репутацию местной власти, а значит, положительно скажется на имидже субъекта в целом.

Важным представляется соответствие сформированного политического имиджа трем аспектам: востребованность, реалистичность и простота. Только учитывая эти главные общие моменты, есть возможность добиться какой-то поддержки среди населения и одобрительной реакции со стороны федеральных властей. Для продвижения обозначенного политического имиджа региона, разумеется, необходима «подпитка», которая может быть представлена в виде различного рода мероприятиях, подчеркивающих значимость созданного имиджа и бренда.

Литература:

1. Квеско, Р. Б. Имиджелогия: учебное пособие / Р. Б. Квеско, С. Б. Квеско. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2008. — 116 с.
2. Панасюк, А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники. — М.: ОМЕГА-Л, 2008. — 266 с.
3. Имидж // Большой психологический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pr.slovaronline.com/%D0%98/%D0%98%D0%9C/185-IMIDZH>
4. Мосина, Е. И. Продвижение стратегии развития региона на основе маркетинга взаимодействия: монография / Е. И. Мосина. — Орёл: Орлик, Издательство Орёл ГИЭТ, 2009. — 143 с.
5. Тульчинский, Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность / Спб.: Алетейя, 2001. — 64 с.
6. Маркетинг: большой толковый словарь. — М.: Омега-Л. Под ред. А. П. Панкрухина. 2010.
7. Имидж России: город, регион, страна: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М. В. Ломоносова 1 ноября 2011 г. / Под ред. И. А. Василенко. — М.: Издатель Воробьев А. В., 2011. — 124 с.

-
8. Минаев, А.А. Критерии формирования имиджа региона. М.: «Роснаук», 2002. — 8 с.
 9. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона): материалы международной научно-практической конференции/под ред. Ю.Г. Чернышова — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. — 248 с.

5. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ

Центральная Азия и место Казахстана в международных отношениях

Турмаганбетова Айнур Канышкызы, студент

Актюбинский региональный государственный университет имени К. Жубанова
(Казахстан)

По мнению российского политолога и доктора исторических наук Владимира Барановского, на рубеже двух столетий — XX и XXI — происходит грандиозная трансформация системы международных отношений [1, с. 36].

После окончания холодной войны преобладающей тенденцией мирового развития стала глобализация. Процесс глобализации обусловлен технологическими сдвигами, изменениями в области транспортных и информационных коммуникаций. Начавшись в экономической сфере, глобализация охватила практически все сферы общественной жизни. В современном мире, с одной стороны, возрастает взаимозависимость различных стран и регионов, исчезают разделявшие их барьеры, с другой — усиливается разрыв между богатыми и бедными государствами, обостряются социально-экономические, этнокультурные и политические противоречия внутри государств. Угрозы, с которыми сталкивалось человечество в годы «холодной войны», отошли на задний план, но не исчезли вовсе. В то же время появились новые проблемы, поэтому обеспечение всеобщей безопасности требует новых подходов и нового уровня межгосударственного взаимодействия [2, с. 10].

Распад СССР создал одно из необходимых условий для формирования в Центральной Азии автономной подсистемы международных отношений. Применение теории региональных комплексов безопасности позволяет вы-

делить в истории ее становления два периода, соответствующие 1990-м и 2000-м гг.

В 1990-е гг. в рамках постсоветского комплекса безопасности стал складываться центральноазиатский субкомплекс, включающий четыре государства Средней Азии и Казахстан. Этот процесс явился следствием начавшегося формирования национальной государственности и внешнеполитической субъектности стран региона и постепенной дезинтеграции структур постсоветского комплекса. К концу 1990-х гг. в центральноазиатском субкомплексе в целом сложились оси социальной конструкции, и стал проявляться прообраз собственной двухполюсной структуры.

События осени 2001 г. — вступление США в войну с движением «Талибан» и развертывание американского военного присутствия в Центральной Азии — способствовали ускоренной и резкой реализации постепенно накапливавшихся предпосылок обособления центральноазиатского субкомплекса от постсоветского РКБ, «подтянув» их до необходимой критической массы. Таким образом, сдвиг в американской политике подтолкнул Центральную Азию к переходу на уровень отдельного регионального комплекса безопасности, или автономной региональной подсистемы международных отношений. При этом центральноазиатская подсистема оставалась структурно незрелой и отличалась высокой проницаемостью для воздействий внешних акторов.

В течение 2000-х гг. динамика межгосударственного взаимодействия в рамках центральноазиатской подсистемы консолидировала ее социальную конструкцию. Вокруг Казахстана и Узбекистана продолжилось формирование двухполюсной структуры региональной подсистемы, однако преобразование экономического, демографического и военного потенциала Казахстана и Узбекистана в региональное политическое лидерство осталось далеко не завершенным.

Центральная Азия не являлась ключевым внешнеполитическим приоритетом ни для одного из участников межгосударственных взаимодействий, сложившихся в 2000-е гг. вокруг региональной подсистемы: если для России и Китая регион был одним из нескольких наиболее значимых полей внешнеполитической активности, то для других акторов Центральная Азия оставалась второстепенным или периферийным направлением. Это обстоятельство способствовало сохранению внутренней динамики региональной подсистемы и дальнейшему становлению ее структурных характеристик [3].

На наш взгляд вышесказанные научные положения, сформулированные доктором филологических наук Троицким Е. Ф. на основании проведенных ис-

следований, являются, как нельзя лучшим обзором событий прошедших десятилетий после распада СССР.

Сегодня Казахстан играет важную роль в качестве одного из ведущих участников международных политических и экономических отношений, а также инициатора различных межгосударственных и интеграционных проектов.

После обретения независимости Республика Казахстан ведет активную внешнюю политику. В свое время, верно, был определен многовекторный характер международной политики страны, которое полностью соответствует геополитическому положению Казахстана, его национально-государственным интересам.

Становление внешней политики Казахстана сопровождалось немалыми трудностями объективного и субъективного характера. С одной стороны, сложность состояла в том, что этот процесс начинался практически с нуля. У Казахстана не было традиций внешнеполитической деятельности в советский период, несмотря на то, что с 1944 года имел собственное министерство иностранных дел, который практически не был субъектом международного права и не имел необходимых институтов для внешнеполитической деятельности. Принципы же советской дипломатии не могли подходить нам по причине несовместимости с ее идеологией, целями и задачами [4]. С другой стороны, окончание холодной войны и наступившие после распада СССР состояние неопределенности и нестабильности поставили перед республикой сложную задачу адаптации к новой геополитической ситуации и выработки внешнеполитических приоритетов, которые соответствовали бы месту и роли Казахстана в мировом сообществе.

По этому поводу К. К. Токаев отмечает, что «авторами концепции внешней политики Казахстана стояли сложные задачи осмысления и обобщения процессов, происходящих за пределами страны. Это было необходимо, прежде всего, для того, чтобы точно определить место и роль Казахстана в современных международных отношениях, выявить приоритеты во внешней политике государства» [5, с. 85].

Важное значение на этапе становления казахстанской внешней политики имело утверждение позиций Казахстана в Организации объединенных наций. Казахстан заявил о своем стремлении оказывать всемерное содействие укреплению роли и повышению эффективности всемирной организации в таких вопросах, как поддержание мира и безопасности (отказ от ядерного наследства СССР), обеспечение устойчивого социально-экономического развития, утверждения демократии и верховенства закона [6, с. 158].

Место Республики Казахстан в системе международных отношений определили геополитическое расположение его на стыке Европы и Азии, экономические и военно-политические интересы, а также существующий потенциал.

Перед казахстанской внешней политикой ставилась задача обеспечения полного включения Республики Казахстан в региональные и субрегиональные структуры экономического и политического взаимодействия на основе общепризнанных принципов международного права как главного средства регулирования споров и противоречий.

Придерживаясь принципа многовекторности внешних связей, Казахстан стремился к созданию прочной договорно-правовой основы на всех направлениях внешней политики. Отношения с государствами Азии, Европы и Америки изначально строились на основе объективных потребностей в обеспечении долгосрочных национальных интересов нашего государства. Основная цель состояла в том, чтобы добиться утверждения политической независимости и безопасности страны, признания необратимости превращения Казахстана в субъект международных отношений. При этом большое значение отводилось подписанию двусторонних и многосторонних международных договоров. Можно с уверенностью сказать, что эти документы сыграли важную роль в укреплении государственности Казахстана. Вступая в отношения с другими государствами и международными организациями, Казахстан проявил стремление к активному применению общепринятых в современном мировом сообществе норм поведения. Тем самым Республика Казахстан определяло рамки сотрудничества с другими странами на условиях консенсуса, взаимного уважения и взаимной выгоды.

По мнению Президента Н. Назарбаева, многовекторность означает «развитие дружественных и предсказуемых взаимоотношений со всеми государствами, играющими существенную роль в мировых делах и представляющими для нашей страны практический интерес. Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узкорегиональных проблемах. Это было бы непонятно не только нашему многонациональному населению, но и всему мировому сообществу. Будущее Казахстана — и в Азии, и в Европе, и на Востоке, и на Западе. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана. Мы сможем укрепить благоприятные внешние условия экономическим и политическим преобразованиям в нашей стране» [7].

С первых дней независимости и по сей день внешнеполитические приоритеты нашей страны остаются неизменными. Это активная, разносторонняя

и сбалансированная внешняя политика, способная противостоять вызовам XXI века и нацеленная на обеспечение долгосрочных национальных интересов. Приоритетными направлениями были и остаются развитие сотрудничества с Россией, государствами Центрально-азиатского региона, Китаем, США, Европейским союзом. Большое значение придается взаимодействию с основными странами Ближнего и Среднего Востока, а также Юго-восточной Азии.

Отношения с Россией у Казахстана развивались довольно успешно. 25 мая 1992 г. был подписан российско-казахстанский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, который зафиксировал союзнический характер отношений между этими двумя государствами. В марте 1994 г. было подписано соглашение об основных принципах и условиях использования космодрома «Байконур». Президенты России и Казахстана 6 июля 1998 г. подписали также Декларацию о вечной дружбе, партнерстве и союзничестве, ориентированную в XXI столетие. Поскольку топливно-энергетический комплекс (ТЭК) играет важную роль, как в экономике России, так и в экономике Казахстана, а интересы ТЭК двух стран во многом совпадают, развивается российско-казахстанское сотрудничество в данной сфере.

Россия и Казахстан первыми из прикаспийских государств урегулировали все свои проблемы, связанные с разграничением шельфа Каспийского моря. 6 июля 1998 г. президенты этих стран подписали соглашение о разграничении северной части Каспийского моря в целях осуществления суверенных прав на природопользование. В конце 2001 г. начал действовать трубопровод из Северного Казахстана в Новороссийск, построенный в рамках каспийского трубопроводного консорциума (КТК). В этом консорциуме, наряду с западными компаниями, принимают участие правительства России и Казахстана. Благодаря реализации проекта КТК у Казахстана появился еще один путь транспортировки своей нефти на Запад через территорию России, что отвечает интересам обоих государств.

Безусловно, интересы России и Казахстана совпадают не во всем, определенные различия в подходах к тем или иным проблемам возможны. Но высокая степень взаимозависимости остается прочным фундаментом российско-казахстанских отношений [2, с. 356–357].

Внешняя политика Казахстана направлена не только на развитие взаимоотношений с государствами, но и на развитие отношений с различными международными организациями. Кроме вышеназванного ООН, наша республика сотрудничает с НАТО в рамках программы «Партнерство во имя мира», а также

является страной-участницей ОБСЕ. Во время вступления в ОБСЕ Казахстан преследовал две главные цели — достижение большей вовлеченности Казахстан и Центральной Азии в решение проблем европейской безопасности и, через это наведение мостов между евроатлантизмом и евразийством, а также повышение роли ОБСЕ в предотвращении конфликтов и в решении экономических и экологических задач [8, с. 14]. На данном этапе повышение авторитета нашей страны в рамках данной организации является решением совета министров иностранных дел (СМИД) ОБСЕ о председательстве Казахстана в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 2010 году, доказывает, что сегодня внешняя политика Республики Казахстан вышла на качественно новый уровень международного признания. Также РК сотрудничает с МВФ, ЕБРР, Азиатским банком развития, ПРООН, ВОЗ, ЮНЕСКО, организацией экономического сотрудничества.

Казахстан сегодня является полноправным членом международного сообщества и по праву пользуется заслуженным авторитетом его участников. Республика Казахстан воспринимается как региональная держава, обладающая сильной экономикой и прочными позициями в мире.

За период независимости Казахстан смог решить все территориальные проблемы с приграничными странами, подписав со всеми соседями договоры о делимитации и демаркации государственных границ протяженностью в 14 тысяч километров, в том числе с Россией, Китаем, Кыргызстаном, Узбекистаном и Туркменистаном [9, с. 431].

За прошедшие 23 года независимости, можно сказать, что внешняя политика Казахстана обрела свое лицо и специфические характеристики, присущие именно нашей республике. Иными словами, становление внешней политики Казахстана состоялось.

Таким образом, становление основ внешней политики Республики Казахстан, вытекает из внутренних интересов и нужд нашей страны.

Становление международных экономических связей Казахстана началось после распада СССР в 90-е годы прошлого века и шло одновременно с переходом от централизованной плановой системы хозяйствования к рыночной экономике. В этот период республика столкнулась также со множеством экономических проблем, связанных с разрывом прежних хозяйственных связей в рамках СССР. Важнейшими задачами страны были включение в систему международного разделения труда, поддержка рыночных преобразований, создание валютных фондов, насыщение потребительского рынка, преодоление кризиса переходного периода.

Формирование международных экономических отношений РК началось с отмены монополии государства на внешнеэкономические операции. Реформы во внешнеэкономической сфере охватили три области — регулирование внешней торговли, валютных отношений, деятельности иностранного капитала. Во всех этих областях были введены соответствующие законодательные акты и нормы, созданы общие и специальные государственные исполнительные органы, выполняющие соответствующие функции по их регулированию. Основными принципами интеграции Казахстана в мировую экономику стали либерализация внешнеэкономической деятельности и открытость национальной экономики.

Интеграция Казахстана в мировую экономику вызывает активное участие страны в международных валютных и кредитно-финансовых операциях. Республика с 1992 года является членом МВФ и Всемирного банка, активно сотрудничает с Европейским банком реконструкции и развития, Азиатским банком развития и другими международными и региональными финансовыми организациями.

Таким образом, мы видим, что Казахстан на сегодня в достаточно высокой степени интегрирован в систему международных экономических отношений. Вместе с тем перед страной стоит ряд сложных задач по решению проблемы повышения эффективности своих внешнеэкономических связей. Среди них первостепенное значение имеют диверсификация экспорта в сторону повышения доли продукции с добавленной стоимостью, привлечение иностранных инвестиций в обрабатывающий сектор экономики, снижение масштабов нелегальной трудовой миграции и размеров внешней задолженности страны.

Литература:

1. Барановский, В.Г. Основные параметры современной системы международных отношений (Часть I) // Полис. Политические исследования. 2012. № 3.
2. Мировая политика и международные отношения: учебное пособие / под редакцией С.А. Ланцова и В.А. Ачкасова. — СПб., 2006.
3. Троицкий, Е. Ф. Центральная Азия в системе международных отношений (1992—2009 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://famous-scientists.ru/list/8922>
4. Мухамедов, М.Б. Формирование основных приоритетов внешней политики Казахстана. — А., 1997.

5. Токаев, К. К. Под стягом независимости. — Алматы, 1997.
6. Султанов, Б. К. Становление внешней политики Казахстана. — Алматы, 2005.
7. Назарбаев, Н. А. Укреплять международные позиции Казахстана [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.akorda.kz>
8. Турсунов, С. Т. Диалог Казахстана с ОБСЕ//Приоритеты казахстанской дипломатии на рубеже веков. — М., 2000.
9. Джуламанов, Н. А. Охрана границы — приоритет национальной безопасности. — Астана, 2013.

Современные средства противодействия радикализму: новые вооруженные формирования и их применение (опыт Ирака, Сирии, Афганистана, Анголы, Сомали)

Шегаев Илья Сергеевич, кандидат политических наук, преподаватель
Московский институт экономики, политики и права

Автор статьи рассматривает институт ЧВК как одно из перспективных средств борьбы с различными формами радикализма (национального и религиозного). Проанализирован международный опыт применения частной военной компании, обозначены сильные стороны организации, а также возможные направления работы ЧВК в интересах национальной безопасности РФ.

Ключевые слова: частные военные компании, ЧВК, национальная безопасность, религиозный экстремизм, терроризм.

Современный мир скатывается к насильственной цивилизации. Этому, по мнению экспертов, активно способствуют такие факторы как сохранение социально-экономических, геополитических и идеологических антагонизмов, открытое противоборство политических сил и структур, возникновение новых центров силы [3].

Если исходить из прогнозов американских ученых-теоретиков, футурологов, перспектива развития международных отношений весьма неблагоприятна. «Конец истории» Ф. Фукуямы представляется вызовом, отраженном в повсе-

местном утверждении либерально-демократического концепта как единственно верной формы существования, а «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона — закономерным ответом на этот вызов.

Отторжение ценностного ориентира Запада — сложившаяся тенденция, проявляющаяся иногда умеренно (в форме индигенизации или патриотизма), иногда — радикально (религиозный экстремизм, террористические акты). К сожалению, последняя форма устойчиво превалирует над первой [4]: терроризм обретает новое лицо, становясь женским и детским, новую форму и масштабы, когда он фактически огосударствен (ИГИЛ и Талибанистан).

В целях обеспечения глобальной безопасности мировое сообщество должно не только пересмотреть риторику колониальной эпохи и холодной войны, но и выработать действенные меры, способные отразить, локализовать, минимизировать риски. Наряду с предложениями о реформировании законодательства (в том числе международного), ведении информационной кампании, учреждении международных организаций (Интерпол, ОБСЕ и др.), по нашему мнению, следует обратить внимание на новый, еще только начинающийся складываться институт частных военных компаний (далее — ЧВК).

Частная военная компания (от англ. *Private military company*) — коммерческое предприятие, предлагающее специализированные услуги, связанные с защитой (охраной) кого-либо и чего-либо нередко с участием в военных конфликтах, а также со сбором разведывательной информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием [8, с. 226].

Опыт применения этой силы нельзя назвать значительным: ему всего около 50 лет. Однако за этот период многие организации успели зарекомендовать себя как весьма эффективное средство террористического сдерживания, инструмент реализации боевых задач. Об этом свидетельствует и постоянный рост финансового оборота ЧВК в мировом масштабе, и увеличение их количества на рынке военных услуг (на сегодняшний день свыше 400 предприятий), и обзор статистики (см. таблицу 1).

Успешная практика применения ЧВК обусловлена, как представляется, следующими факторами:

- высокий профессионализм военного контингента, отличающегося от регулярной армии, солдаты которой несут срочную службу, имея в лучшем случае начальную военную подготовку;
- представление интересов заказчика «инкогнито», что исключает международный конфликт, введение каких-либо санкций.

Таблица 1

Ведущие ЧВК мира

№ п/п	Наимено- вание ком- пании	Специализация/наиболее известные успешные операции	Приблизительная сумма дохода и численность воинского кон- тингента
1.	Blackwater — Xe Services LLC — Academi (США)	Ирак: обеспечение личной безопасности главы Временной Коалиционной администрации П. Бремера, разгон демонстрации 400 бастующих иракцев в Ан-Наджафе в 2004 г. Афганистан: борьба с наркотиками, консалтинг и обучение навыкам боевых действий афганских силовых структур. Украина: полномасштабная операция на юго-востоке страны в борьбе с сепаратистами.	В 2001 г. компания получила из бюджета США около 735 тыс. доллоров, в 2005 г. — 25 млн. долларов, в 2006 г. — 600 млн. долларов. Численность сотрудников около 21 тыс. человек.
2.	G4S (Великобритания)	Предоставление охранных услуг по безопасности денег (перевозка ценностей и денежных средств), содержание преступников под стражей, безопасность в аэропортах, банковская логистика, риск-менеджмент, наземное разминирование боеприпасов. Выполнение услуг в самых опасных частях Африки, Латинской Америки (военная разведка, тяжеловооруженная охрана), в Сирии.	Численность сотрудников достигает 657 тыс. человек в 125 странах мира. По данным за 2013 г., выручка компании составила 7,4 млрд. фунтов стерлингов.
3.	FDG Corp (США)	Охрана судов и грузов, военная логистика, морские и сухопутные перевозки, военный консалтинг. Операции в «горячих точках»: Аденский залив, Сомали, Ирак («Буря в пустыне», «Лис пустыни»), Афганистан, Сектор Газа, Конго, Ангола.	Сведения отсутствуют.

Составлено автором статьи по [2]

— отсутствие социально-психологических проблем, связанных с мобилизацией: никакого общественного резонанса, вызванного, условно говоря, деятельностью «комитета солдатских матерей» не произойдет, а численность погибших не будет учитываться в официальной статистике.

Однако самым главным преимуществом является абсолютная беспристрастность бойцов ЧВК по отношению к религиозным догмам, национальным интересам и т. д. Именно это свойство делает частную военную компанию универсальным оружием в любой точке земного шара. Правильно составленный контракт является гарантом выполнения задания в 100 % объеме с соответствующим уровнем качества: переход на сторону противника или какого-либо рода пособничество практически полностью исключены.

Востребованность частных военных компаний в России, буквально испещренной конфликтными зонами в силу своей многонациональной и многоконфессиональной фактуры, не вызывает сомнения. Можно выделить несколько потенциально опасных регионов, остро нуждающихся в профессиональной поддержке.

Во-первых, это территория Северо-Кавказского федерального округа, которая, несмотря на окончание кампаний, до сих пор полностью не замирена: разовые террористические акты, образования бандформирований — по-прежнему угроза национальной безопасности. Следовало бы усилить контроль за субъектом именно посредством профессионального контингента.

Во-вторых, интенсификация радикализма на Ближнем Востоке: растущее «Исламское государство», новый этап ядерной программы Ирана, военная операция Эр-рияда в Йемене, отсутствие положительной динамики в Секторе Газа. Обозначенные процессы протекают в относительной близости к границам России, и каков будет их масштаб доподлинно неизвестно. Но совершенно очевидны дестабилизация региона и, как отмечает старший научный сотрудник департамента политической науки НИУ ВШЭ Л. Исаев, «затяжной и серьезный конфликт» [1].

С вопросом Ближнего Востока тесно связана проблема Средней Азии. О расширении ИГИЛ в направлении Таджикистана заявил президент Э. Рахмон, попросив у В. Путина поддержки [5]. Усиления требует и южная «буферная зона» РФ: Абхазия, Южная Осетия и Армения — те регионы, благодаря которым во многом происходит сдерживание натиска ближневосточного радикализма [7]. Лучшим вариантом, по нашему мнению, является дополнение контингента российских военных баз именно за счет сотрудников ЧВК, способных профессионально отстаивать интересы заказчика, имея абсо-

лютный иммунитет по отношению к риторике религиозного фундаментализма (один из ключевых инструментов рекрутинга бандформирований).

В-третьих, обострилась ситуация на западных границах России: угроза национальной безопасности исходит от очагов украинского конфликта, где формальное перемирие используется в качестве переподготовки киевских сил при непосредственном участии инструкторов США и Канады, а также со стороны прибалтийских государств, наращивающих военный потенциал за счет контингента и техники НАТО. В этом отношении также необходимо усиление российских границ посредством ЧВК.

Существенным препятствием на пути становления и развития ЧВК в России является в первую очередь законодательство, а точнее его отсутствие в этой сфере. Робкие шаги на уровне инициатив в данном направлении еще только делаются [6]. Безусловно, есть и риски, основным из которых является неконтролируемое формирование частной армии в руках олигархического клана, западного наймита или, например, увеличение масштабов незаконной торговли оружием. Вместе с тем, исключение этих угроз, их минимизация — работа ФСБ и других силовых ведомств, от оперативности и компетенции которых будет зависеть многое.

Вопрос о легализации частных военных компаний в РФ должен решаться поступательно, но в то же время без промедления, поскольку именно ЧВК могут стать сильным подспорьем регулярной армии, а где-то даже и ее заместителем, отстаивая национальные интересы страны.

Литература:

1. Брифинг // Коммерсант. ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2688360> (дата обращения: 29.04.2015 г.)
2. Война на продажу. Ведущие частные военные компании мира // Военное обозрение [Электронный ресурс]. — URL: <http://topwar.ru/66972-voyna-na-prodazhu-veduschie-chastnye-voennye-kompanii-mira.html> (дата обращения: 29.04.2015 г.)
3. Демкин, Д. В. Аспекты обеспечения военной безопасности Российской Федерации // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» [Сайт]. — 2012. — № 1. — URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/View/171> (дата обращения: 20.04.2015 г.)

4. Доклад: число жертв терактов по всему миру растет // BBC [Электронный ресурс]. — URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2014/11/141117_terror_toll_rises (дата обращения: 23.04.2015 г.)
5. Россия перебросит 70 млрд. Афганистану // Коммерсант. ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2699992> (дата обращения: 29.04.2015 г.)
6. Третья сила // Российская газета [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rg.ru/2014/10/23/kompanii.html> (дата обращения: 30.04.2015 г.)
7. Шегаев, И. С. ИГИЛ и национальная безопасность России: оценка рисков и угроз // Вестник московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2015. № 1. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/622> (дата обращения: 30.04.2015 г.)
8. Шегаев, И. С., Полозов А. Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. — М.: Перо, 2015. — 226 с.
9. Шегаев, И. С. Религиозный фундаментализм: определение понятия и история его происхождения // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 1. — с. 133–136
10. Шегаев, И. С. Классификация методов борьбы с террористическими организациями // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 11 (58). — с. 323–326

Научное издание

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Международная научная конференция

г. Москва, июнь 2015 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.06.2015. Формат 60х90 ¹/₁₆.

Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 2,82. Уч.-изд. л. 1,99. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии Издательства «Молодой ученый»
420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 26